Владимир Фёдоров
У костра с дедом Варламом

Владимир Фёдоров

У костра с дедом Варламом

https://litres.ru/74631622
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга «У костра с дедом Варламом» погружает в атмосферу русской деревни, где традиции и уклад жизни передаются не по учебникам, а из уст в уста. Через беседы у огня читатель узнаёт о старинных обычаях, народных приметах, ремёслах и семейных ритуалах, которые ещё недавно были естественной частью деревенского быта. Дед Варлам — не просто рассказчик, а живой носитель памяти: его истории — это бережно сохранённый культурный код, в котором переплетаются фольклор, житейская мудрость и любовь к родной земле. Книга будет интересна тем, кто хочет прикоснуться к истокам и понять, как складывалась народная этика и мировоззрение.

Содержание

Глава 4
Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 22

У костра с дедом Варламом

Не залезайте на Сивый Камень, не ныряйте с него! Высунет Водяной изпод камня руку да и утащит вас!» — пугал нас дед Варлам.
А мы, пересиливая страх, снова и снова взбирались на камень и ныряли — будто бросали вызов и воде, и собственной робости.

Владимир Фёдоров

Глава

Когда я был мальчишкой, мы собирались у костра и слушали деда Варлама. Он не читал нотаций, не поучал — просто рассказывал про жизнь, про работу, про то, как держаться, если трудно. Эти истории я пронёс через годы, через свою работу, через уроки, которые вёл для ребят. Теперь хочу, чтобы их услышали и вы. Пусть эти страницы будут не просто текстом, а чем-то вроде нашего с вами разговора у огня.

Вот они, эти истории.

Глава 1

Сивый Камень, или, как звали его в нашей деревне, Сивуха, был огромным валуном. По местным преданиям, когда-то он откололся от скалы, а потом ледник принёс его сюда и оставил в реке Березайке. Для мальчишек Сивуха стала настоящей «нырялкой». После жаркой бани, стоявшей на берегу, мы, распаренные, выбегали голышом — по старой традиции женщины ходили в баню после мужчин — и карабкались на камень, чтобы с размаху нырнуть в прохладную воду. Это было целое приключение, почти подвиг.

Дед Варлам, старик с добрыми глазами, любил подшутить

над нами. Он пугал ребят местной легендой: мол, не стоит забираться на Сивый Камень — Водяной, что живёт под ним, высунет руку и утянет под воду. Мы, хоть и вздрагивали от этих слов, но всё равно прыгали, а дед потом хитро улыбался и добавлял: «Да я это так, для страху, не всерьёз». С годами Сивуха всё глубже оседала в речном дне. Теперь от нашей «нырялки» почти ничего не осталось — камень едва угадывается в воде.

Кириллов Варлам Кириллович — мы всегда звали его дедом Варламом — был удивительным человеком. Мальчишками мы то и дело крутились возле него: хотелось услышать от деда какую-нибудь историю. Где бы он ни был — у дома или на своей пристани на речке Березайке, — мы тут как тут.

Варламова пристань.

Да, у деда Варлама была своя пристань! Сейчас о ней вряд ли кто-то помнит, разве что представители нашего поколения ещё хранят в памяти Варламову пристань. Когда отец собирался на рыбалку на озеро Пертешно, он говорил: «Ты лодку поднимай вверх один: течение ещё сильное, без меня тебе полегче будет грести. А я пойду пешком до Варламовой пристани». И нам обоим было ясно: встречаемся в условленном месте.

Кириллов Варлам Кириллович

Варламова пристань располагалась выше по течению реки, на самом краю деревни. На первый взгляд в ней не было ничего примечательного: лишь небольшая возвышенность у воды. На приколе покачивалась двухвёсельная лодка, на вешалах — ольховых кольях в виде рогаток — сушились сети. Тут же виднелись остатки кострища: без него не обходились посиделки с рыбацкой ухой и неспешными разговорами. Но главным штрихом, придававшим месту особый колорит, были огромные штабеля коричневых дров. От них тянуло запахом тины и водорослей — тем самым «морским» духом, о котором мы говорили, хоть никто из нас настоящего моря

и не видел.

В те времена безобразничать было не принято: сети могли висеть на вешалах сутками — никто их не трогал. Кострище со всеми его атрибутами оставалось нетронутым, дрова никто не разбрасывал и не сплавлял по реке. А «кухонную утварь» для приготовления ухи дед Варлам прятал в нише между поленницами и прикрывал брезентом. Почти у каждого деревенского жителя была своя лодка, но настоящих пристаней не было вовсе: лодки просто стояли на привязи у приколов, тихо покачиваясь на воде. Потому и не заслужили эти места собственных имён. И лишь Варламова пристань надолго сохранила своё название — она притягивала к себе, была многим интересна.

Пристань начинала оживать весной. Снег уже сошёл, земля подсыхала — самое время смолить лодку. Вон она, как солдатская пилотка, лежит на берегу вверх дном, и даже в этом нелепом положении казалась нам чем-то важным, почти боевым кораблём, который вот-вот отправится в большое плавание. — Деда, когда лодку будешь смолить, скажи нам! Мы придём тебе помогать! — с нетерпением ожидая этого дня, волновались мы. — Вдруг прозеваем, а ты там один будешь возиться! — добавлял кто-то из ребят, и в голосе его слышалась такая серьёзность, будто речь шла не о смолении лодки, а о подготовке к настоящей экспедиции. Надо сказать, помощники из нас были аховые: «подай это, принеси то, подхвати здесь». Основную работу — плавить

битум (по словам деда Варлама — гудрон), промазывать горячим швы лодки — дед выполнял сам. А в наши обязанности входило принести дров, нащепать лучины для растопки костра, покрошить кусок битума на мелкие части и сложить их в ведро. Работали споро, каждый старался не отставать. Витька, самый шустрый, носился по берегу, собирая сухие ветки и щепки, и при этом успевал командовать остальными: «Эй, гляньте, тут целое полено! Тащите сюда!» Мишка, покрепче и поспокойнее, рубил битум на куски — он делал это с такой сосредоточенностью, будто от точности каждого удара зависела судьба всей лодки. А я, стараясь не мешать, но и не оставаться в стороне, складывал наколотые кусочки в бак, мысленно представляя, как они скоро расплавятся и превратятся в густую чёрную массу, которая сделает лодку крепкой и непотопляемой. Всем было интересно.

Соскучившись по кострам — ведь это был первый костёр в ту весну, — мы, обступив его кружком, заворожённо смотрели, как огонь начинает пожирать полено за поленом. Искры взмывали вверх, кружились в воздухе и гасли, не долетев до нас, а мы ловили их взглядом, будто это были не искры, а маленькие звёзды, упавшие на землю. — Все стоят и чего-то жуют, — раздался голос деда Варлама. — Чего вы там вкусного едите? — не унимался дед. — Гудрон! — произнёс смущённо кто-то из нас, и тут же все переглянулись, будто проверяя, не слишком ли стыдно признаваться в такой шалости. — Гудрон! — протяжно сказал дед. — Тьфу, какая гадость! Выплюньте вы его! Нашли тоже мне еду. Скоро бабка придёт, принесёт пирогов — вот это будет еда! И мы послушно выплёвывали тёмные кусочки, чувствуя одновременно и лёгкое разочарование — ведь в тот момент гудрон казался нам чем-то почти героическим, вроде еды настоящих мастеров, — и радость от мысли, что скоро будут пироги, а значит, день точно сложится как надо.

Битум растаял, кипит, вон его тёмная масса булькает в баке, пора уже начинать смолить лодку, но дед Варлам не торопится: «Лучше, лучше очищайте швы от старого гудрона, иначе новая смола ляжет на старую и держаться не будет!» Мы, высунув языки, старательно зачищаем швы. «Деда, а тут скобочки нет, дранка, смотри-ка на днище лодки, вспучилась!» — «Вон там в котомке возьми новую и прибей! Там

же и молоток лежит», — продолжая помешивать «варево», откликается дед. Витька, взяв из котомки скобочку и молоток, бежит к лодке: тук-тук-тук — всё готово. «Молодец!» — хвалит его дед Варлам. «А теперь, мальчишки, отходите все в сторону — смолить буду!» — предупреждает дед. Вооружившись самодельной кистью (палка, на которую намотана мешковина) и взяв в руку ведёрко, в которое налит битум, дед Варлам начинает работать. Промазывая каждый шов лодки, разговаривает с ней как с живой: «Подвела ты меня той осенью. Вот здесь подтекала, здесь, в пуге, тоже текла, да и под этим улуком мокро было». Мы, стоя в стороне и слушая его разговор с лодкой, многого не могли понять. Только потом, повзрослев и сами став рыбаками, поняли значение этих слов. Это был деревенский говор, понятный больше старикам: дед Варлам смолил пугу — так он по-своему называл корму лодки; проходя кистью по днищу, дед постучал по дугам, служащим каркасом, и молвил: «Крепкие ещё у тебя улуки, вот просмолю как следует — и хоть в дальний путь».

Наконец всё было закончено. Швы лодки, заполненные свежим битумом, отсвечивали на солнце всеми цветами радуги. «Трогать руками, а тем более топтать ногами — да что вы! Ими можно только любоваться», — казалось нам, когда мы разглядывали работу деда. Но дед Варлам на свою работу смотрел иначе: — Так, ребятишки, давайте-ка теперь спустим лодку на воду да проверим, не подтекает ли? Дружно

взявшись, столкнули лодку в воду. — Не течёт! — дружно заключили все. — Ну-ка, забирайтесь все в лодку! — скомандовал дед. — Проверим её на ходу. — Мишка, вон там в поленнице лежит пличка, неси её сюда. Вдруг вода пойдёт — не вычерпывать же её вашими кепками! — пошутил дед Варлам. Наконец все уселись в лодку и поехали. На вёслах, посередине лодки, сидел дед Варлам, а в пуге оказался я. Вручая мне третье весло, дед, улыбаясь, сказал: — Вот тебе кормило, будешь рулевым. Держи его ровно, не дёргай. Чтобы лодку повернуть, работай веслом — либо влево, либо вправо. Не знаю, был ли какой прок от моего «руления» (дед и сам был опытным гребцом), но в тот момент я чувствовал себя от свалившегося счастья на седьмом небе.

«Работники, хватит кататься! Причаливайте и сушите

вёсла! Пора перекусить!» — послышался голос. К пристани, с корзиночкой в руке, подходила баба Ириша. — Я вам пирогов принесла, поешьте, пока тёплые. Полдня тут с дедом провели — поди проголодались? Очень уж не хотелось заканчивать «испытание» лодки, но желание поесть пирогов пересилило.

Пироги с яйцом и рисом и правда были тёплыми и вкусными. Уминая их от души, мы слушали разговор старших. Дед Варлам вовсю нахваливал нас — какие мы молодцы, что помогали ему. Баба Ириша вторила ему, не забывая повторять: — Молодцы! Молодцы! Мы все в тот день были горды за себя: какие же мы уже взрослые — вместе с дедом Варламом осмолили лодку! Куда же он бы без нас…

Когда с пирогами было покончено, баба Ириша собрала корзиночку и сказала: — Ну, я пойду. А ты, Варлам, не сиди тут на ветру, приберись да приходи домой. Дед кивнул, улыбнулся нам: — И правда. Да и дело у меня есть — валенки надо подшить. Всё закончить никак не могу, ещё зимой начал. Старому добру вторую жизнь дать надо. Не видели, как это делается? Ну тогда приходите вечером, посмотрите. Он поднялся, неторопливо отряхнул одежду и пошёл к дому. Мы переглянулись — конечно, придём! Разве можно пропустить, как дед чудеса творит?

Вечером дед Варлам подшивал старые валенки. Не новые, а именно старые: мягкие, сбившиеся, с протёртыми подошвами. Он не любил выбрасывать то, что ещё могло послу-

жить. — Рука помнит, — говорил он, вырезая сапожным ножом из голенища старого валенка подошву. — Главное, не торопиться, вырезать правильно. Теперь надо ссучить суровые нитки: бабка мне их на самопряхе прядёт.

Вытащив из-за печки какую-то деревянную штуковину с большим колесом, он поставил её перед собой и, качая ногой педаль, начал раскручивать. Замелькали спицы колеса. Две нити, свиваясь в одну, стали наматываться на катушку. — Пожалуй, хватит, — сказал дед Варлам, сматывая с катушки получившуюся толстую нить. Теперь, чтобы она стала крепкой и не гнила, её надо просмолить. Взяв кусочек кожи, сложенной пополам, и положив туда кусочек гудрона, дед стал водить им по туго натянутой от окна до двери дратве. Нить тут же чернела и начинала блестеть в свете керосиновой лампы.

Отрезав нужную длину, дед на концы нити ловко прикрутил медные проволочки. — Дратва мягкая, попробуй просунуть её в дырку после шила, а проволока пожёстче — будет в самый раз, — пояснил он нам. Приложив заготовку подошвы к валенку, дед начал работать. Он делал ровные дырочки по краю подошвы и валенка, будто ставил маленькие точки. Через эти дырочки он пропускал дратву, стягивал крепко, но не грубо — чтобы валенок не стал жёстким.

Мы стояли рядом и смотрели, как это делается. Никто не мешал, потому что понимали: тут нельзя спешить. — Видите? — тихо говорил дед. — Не сила тут нужна, а терпение. И чтобы каждый стежок был на своём месте. Когда подошва была пришита, он постучал молоточком по шву, чтобы стежки легли ровно, и провёл ладонью по валенку. Валенок снова был готов к морозу и снегу. Обув подшитый валенок на ногу, дед Варлам притопнул им и, улыбаясь, произнёс: — Вот так, ребятишки! Теперь носить не переносить. Подшитый валенок ещё покрепче нового будет! Если вещь можно починить — чини. Если нельзя — подумай ещё раз. А если и правда нельзя — уважай то, что она послужила.

А мы запоминали: не только как подшивать, а как вообще относиться к делу — спокойно, по-хозяйски, с умом. А я в тот вечер шёл домой и думал: вот ведь, мы сегодня и лодку осмолили, и пирогов наелись, и теперь ещё и этому научились. Значит, и правда становимся взрослыми — не по го-

дам, а по делу.

Но это ещё не всё. Имя Варлама Кирилловича не было выбито на табличках, но оно тихо жило в деревенском обиходе. Уха — «дедова», баня — «та, что Варлам Кириллович ставил», ворота у околицы — все эти вещи, казалось, сами собой обросли его именем, став частью устной памяти деревни.

Варламова уха.

Приготовление ухи на берегу реки у деда Варлама порой напоминало настоящее священнодействие. Мы, мальчишки, с удивлением наблюдали, как он окунает в уху небольшую головешку: помакает, подержит немного — и снова бросает в костёр. Не понимая смысла этого ритуала, мы морщились и вполголоса фыркали: «Фу-у-у!» — Ничего-то вы не понимаете, — снимая рукавицу с руки, смеялся дед, — к такой ухе ни лаврового листа, ни укропа не надо, да и где их найдёшь-то на рыбалке, а вот эта головешка передаёт бульону весь аромат и запах костра.

— Дедушка, а почему ты пену с бульона не снимаешь? — пытались мы давать советы. — Да вы что! — ворчал дед, урезонивая нас. — В пене вся польза, снимешь её — останется одна вода. Для нас, ребятишек, уха на берегу всегда была праздником: интересно было следить за работой деда. А в конце перед нами ставили большую плошку — так её называл дед Варлам, — вручали деревянные ложки (по словам хозяина, они не обжигают), и мы все ели из одной посудины, стараясь зачерпнуть побольше этой вкуснятины.

Для нас тогда приготовление ухи было не про еду, а про атмосферу: треск костра, запах дыма, таинственные действия деда. Дед не просто варил суп — он создавал событие, праздник. И именно поэтому уха запомнилась как что-то особенное, почти волшебное.

Гости у деда на Варламовой пристани.

Мы грели у костра озябшие ноги. Тепло потихоньку разливалось по телу, будто кто-то укутывал нас мягким пледом. Пламя плясало, бросая рыжие отсветы на наши лица, и в этом неровном свете я вдруг заметил странность: сапог на дедовой ноге сидел как-то не так — будто наизнанку или не на ту ногу. — Деда, а чего у тебя сапог-то наапакишу? — вырвалось у меня. И тут же я немножко смутился: вдруг деду обидно будет. Ведь вместо одной ноги у него была де-

ревяшка. Дед Варлам только усмехнулся, поправил шапку и посмотрел на огонь, будто сквозь пламя видел что-то далёкое-далёкое, из тех времён, когда он был совсем молодым. — А чего ему пропадать? — спокойно сказал дед. — Сапог денег стоит. Да и нога у меня одна, а сапог — пара. Вот и ношу наапакишу, чтоб добро не губить. Мы с братом переглянулись. Я хотел ещё что-то спросить, да слова будто рассыпались и затерялись в треске дров.

Дед молча подбросил в костёр ещё дров. Пламя взметнулось вверх, на миг ярко осветило его лицо — стали видны все морщинки, будто дорожки от долгих дорог, — а потом снова осело и стало гореть спокойно, ровно. Мы сидели тихо-тихо, не шевелясь, и смотрели, как искры отрываются от огня и тают в чёрном небе, словно маленькие звёздочки, которые не успели родиться. Вокруг стояла такая тишина, что слышно было, как далеко-далеко у воды тихонько всплескивает рыба.

Мы продолжали сидеть у костра и греть бока, а дед Варлам что-то там мастерил — тюкал топором. Пламя тихо потрескивало, тени плясали по траве, а нам вдруг стало скучновато. Не то чтобы хотелось куда-то бежать, а просто сидеть и молчать уже не выходило. Тут Витька вдруг встрепенулся, вскочил: — Побегу! Мне надо воды домой натаскать, а то мамка задаст мне на орехи! И умчался, только пятки сверкнули.

Мы переглянулись. — А что это значит — «задаст на орехи»? — тихо спросил Петька. Я и сам не знал, но звучало грозно. Дед Варлам, услышав, оторвался от работы, усмехнулся уголком рта: — Да ничего страшного. Это она так говорит, когда сердится: мол, накажу. А орехов-то никто и не даёт. Просто слово такое, деревенское. У нас в Нарачино много таких слов — вроде и непонятно, а все друг друга по-

нимают. Нам этого объяснения оказалось мало. — Дед, а вот ещё слышали: «Вон Маша-соседка куда-то поплюснила!» — вставил Колька. — Что это значит? Дед снова улыбнулся, положил топор рядом и подвинулся к огню поближе: — «Поплюснила» — значит, пошла, потопала. Не бегом, не шагом, а так, по-домашнему. Слово смешное, а сразу видно: Маша ни куда не торопится, а гуляет. — А вот ещё говорили: «Много рыбы-то поймал? На латку наберётся!» — припомнил я. — Это про что? — Про уху, конечно! «Латка» — это у нас так уху зовут. Не суп, не щи, а именно латка. Если рыбы «на латку наберётся» — значит, хватит, чтобы сварить хорошую, наваристую. Вот и говорят так. Петька даже подался вперёд: — А можно ещё? Мы столько слов слышим, а не знаем… Дед посмотрел на нас, будто прикидывая, не слишком ли много болтаем, но в глазах у него была добрая усмешка: — Можно. Только не все слова надо запоминать, а те, что про жизнь.

Тут я вдруг вспомнил: — Дед, а мы с Ванькой долго не могли понять: Рига — это город, и рига, что за околицей, — это разные вещи? Дед кивнул, довольный, что мы не просто слова ловим, а думаем: — Разные. Город — он там, далеко. А наша рига — это сарай для снопов, где зерно досыхает и обмолачивают его потом. Крепкое слово: рига. Тяжёлое, как само дело. Ванька тихонько вздохнул: — А меня мама, когда с гулянья поздно вернусь, называет анчуткой. Это обидно? Дед чуть нахмурился, потом снова смягчился: — Не обидно. Анчутка — это про озорника, про непоседу. Не про плохого,

а про того, кто везде лезет, всё хочет узнать. Любя так зовут. Главное, чтобы озорство с умом было. — А на мельнице то каменное колесо, что в воде лежит, — ты называл его поставом, — вставил я. — Зачем оно? — Поставом, — повторил дед, будто пробуя слово на вкус. — Да, это жернов, что мелет зерно. Тяжёлый, молчаливый, а дело своё знает. Без постава и хлеба не будет. — А ещё в реке стена такая из свай торчит, — не унимался Петька, — они плотно-плотно стоят. Ты говорил, можно поставить заплот… — Заплот, — кивнул дед. — Это как забор в воде. Им рыбу задерживают, чтобы не уходила, или течение направляют. Дело хитрое: сваи надо так вбить, чтобы вода не разнесла. Тут и я вспомнил ту железяку: — А клепало, которое мы в реке нашли… Ты сказал, это клепало. А зачем оно? Дед на секунду задумался, будто вспоминая что-то далёкое: — Клепало… Раньше им набат били. Железный язык, тяжёлая штука. По колоколу этой колотушкой ударяли — и звук шёл по всей округе. Сигнал. То пожар, то беда, то сбор. Медный колокол с часовни украли, а эту железяку выбросили — не поняли, что вещь нужная. А она своё слово ещё сказать могла…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.